

Конференция

«100 лет первой российской Конституции:
свобода и современность».

С.-Петербург, 30 октября 2005 г.

О. Н. Кен

Революция 1905-1907 гг. как революция современности

Название содержит два смысла, два тезиса.

Революция 1905 г. оказалась в тени событий 1917 г. Это обстоятельство – не просто аберрация мышления, не результат индоктринации, заучивания текстов о событиях 1905 г. как «генеральной репетиции». Наоборот, это невнимание, индоктринация и представление о событиях 1905 г. сами по себе являются выражением исторического процесса, который отодвинул первую русскую революцию на задворки советского сознания.

Поэтому первое определение значимости революции 1905-07 состоит в том, что она была неизмеримо менее глубокой, чем социальный переворот, начатый в 1917 г. Между тем, если понимать революцию как преодоление, то тотальное отрицание противоречит ее конструктивному смыслу. Глубина революции, разрушение культурной, административной, социальной структуры включает в себе самоотрицание. В 1917 г. революция достигла стадии отрицания всех основ современной цивилизации – гражданского равенства и разнообразия, собственности и соревновательности экономической жизни, механизмов разделения и балансирования прав и интересов.

В итоге вместо отказа от открытия нового пути и отворила двери очень старым, архаическим принципам организации общества, основанным на иерархии, дисциплинировании и единстве. В этом смысле большевистская революция может рассматриваться как первый, светский вариант той волны протеста против западного образца, которая в условиях вырождения и крушения советской системы нашла себя в фундаментализме религиозного толка.

При таком подходе первая русская революция оказывается не первым, а единственным комплексом событий, в которых широкий политический протест сохранил себя в качестве позитивного движения – *народного движения за права в рамках цивилизации*, за расширение этих рамок. Современники не ошибались, сопоставляя 1905-й с 1640, 1789 или 1848, Индивидуальный и массовый террор не приобрел в ней самодовлеющего смысла, характера самостоятельной ценности. Социальная и политическая мобилизация, хотя и породила очаги гражданской войны, в целом не использовала государственные рычаги и

сохранила свой изначальный смысл самодеятельности. Соответственно, ее успехи были по большей мере цивилизационным прогрессом – громадным расширением то социальной сети, которая образует гражданское общество и вовлечением в нее низов, расширением публичности и формированием основ политики в изначальном аристотелевском смысле как сферы взаимодействия общественных сил и поиска компромисса в общих интересах сообщества. Даже Манифест, который рисовался катастрофическим отступлением для сторонников самодержавия, оказывался (и бесспорно являлся) шагом к усовершенствованию.

Здесь очевиден преобладающий дух модерна, *modernity*, *modernité* – т. е. современности, понимаемой как взаимодействие на основе естественного социального саморазделения и полноправия участников общественной жизни, руководимыми частными интересами. В этом смысле можно думать о революции 1905 г. как единственной полноценной *революции современности*.

Не удивительно поэтому, что демократическое движение конца 1980-х—1991 г. стихийно влеклось к этому образцу, -- не к образцу Февраля или Октября, не осознавая эту тягу – и наивно переоткрывая для себя явочный порядок осуществления политических прав, беспочвенность и даже комичность сакральной монополии на власть, коллективные ненасильственные действия, взаимосвязь защиты социальных прав и политических акций, ложность веры в особый российский путь России и естественные преимущества той сложной системы самоорганизующегося неравенства, которая идентифицируется с Западом, Европой. Это воспоминание – переводит размышление ко второй точке – сегодняшнему состоянию и потребностям.

Основной вызов российского народа, перешедший из XX века – превращение в *современную демократическую нацию*. Революция 1905 г. была крупным шагом на этом пути, но только шагом, и получается, что уже второе столетие страна то мнетса перед этим барьером, то радостно обманывая себя отступает от него назад. В этом смысле принадлежность России к современности остается гибридной и хронологической, главные линии революции 1905 г. остаются незавершенными. Разумеется, они могут быть завершены и иным путем, нежели революция. Важно не терять из виду этих основных линий и не обманываться подделками, симуляциями, имитациями, муляжами.

В сегодняшнем общественном сознании (и тому сегодня – уже лет 15) всякая революция понимается как народное бедствие, как смута, и разглядеть позитивное содержание не удастся. В этом смысле характерно обращение 7 ноября в день памяти и примирения, т.е. в день забвения всего, что выходит за пределы бесформенного народного единства. Очень естественно перенесение государственного праздника на 4 ноября – и к

Кремлю поближе, и легенда древнее, что уверенно возвращает общество в нерасчленный быт противостояния другим, затушевывает задачи самопреодоления. Все варианты национального самолюбования или самобичевания, боюсь, клонят к тому же.

Таким самообманом и затушевыванием может быть безмерное преувеличение значимости Манифеста и Государственной Думы образца 1906 г., восприятие их как образцов, существование которых позволяет перескочить весь трагический век. Эмоциональное сближение, которое несет в себе разыскание современной конституционности и парламентаризма в явлениях 1905 г., тем более взятых в отрыве от массового социального контекста, мешает понять их суррогатный характер. Именно так определил их характер ход событий. Будь несовершенства Манифеста признаками начала, у этого начала было бы продолжение, а не срыв в катастрофу. Не получилось начала. Ориентация на суррогаты ничего кроме суррогатов не породит.

Конституцией может быть только политическое соглашение, выработанное свободно избранными представителями. Такой Конституции как не было, так и нет, и Конституция 1993 г., по условиям подготовки и принятия, по своим акцентам на сильную исполнительную власть и по размытости принципов формирования верхней палаты Федерального Собрания и местных властей – явно несет на себя отпечаток Манифеста 17 октября, с его указанием на пагубность «смуты», на печаль «сердца царева» и «великий обет» царя руководить народом (язык фараоновского Египта, как его передает Ветхий Завет), с его лукавой двусмысленностью относительно условий избрания Думы и ее полномочий.

Современная значимость Манифеста не в его уклончивых формулах, а в том, откуда они взялись – из требований всесловной, всепрофессиональной, общеполитической общероссийской стачки, т.е. общественного соглашения против монополии на власть. В этом и есть его могущественный смысл. – Необходимым условием рождения демократической нации является общественное представление о своей способности своими силами, преобразовать жизнь на началах выгоды, разумности и нравственности.

В отсрочке нет чего-то окончательно фатального – во Франции день 14 июля был установлен лишь в 1875 г., через 86 лет после начала революции – но есть нечто, бесспорно, нас не украшающее. Двадцать первому веку особенно не к лицу старинные эволюционные иллюзии, что задачи как-то сами решатся, все само естественным образом уляжется под влиянием образованности и экономического прогресса, что придет какое-то новое поколение, которое сделает все за нас. Не оказаться бы в положении Белинского, писавшего: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году».